

Наталья Алексеева

Мамина сказка

рассказ

6+

Наталья Алеева
Мамина сказка

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Алеева Н.

Мамина сказка / Н. Алеева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Серезина мама и младший брат оказались в больнице. Семилетнему мальчику приходится провести несколько ночей в пустой квартире. Он звонит маме, чтобы пережить страх темноты и одиночества. Неожиданно для себя мама находит оригинальный способ ему помочь.

Содержание

Мамина сказка	5
I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Мамина сказка

I

Десять часов вечера. Чернота за окном. Холодный март. На кровати в тесном больничном боксе сидит Сережа, а на соседней кровати у мамы на руках засыпает малыш.

Часа полтора назад малышу, который было уже пошел в ночь, стало хуже. Он проснулся от удушающего лающего кашля, начал плакать. Мама сразу же поволокла его в ванную, включила самую горячую воду и сидела в этой бане минут 15. А Сережа то и дело заглядывал за шторку, посмотреть, как там малыш и какое лицо у мамы – обычное или грустное. Но лицо ее было даже немножко злое от своих каких-то мыслей и от того, что она все время шикала на Сережу, чтобы не пускал холодный воздух.

Потом приехала скорая. В больницу пришлось отправиться всем вместе. На сколько затянется – не ясно. Оставлять дома одного семилетнего Сережу мама была не в силах, да и он сам больше всего только этого и боялся.

На жестком сиденье в подсакивающей то и дело машине сидела мама, крепко держа малыша у себя на коленях, глядела на Сережу, сидящего на скамейке напротив, и мысли ее скакали одновременно с колесами на разбитой дороге. «Наташка не сможет, работает. Оля свою возит целый день по занятиям, не даст же она Сережке ключи от квартиры... а если сам будет ходить домой? А вдруг ключи потеряет? Поест не сможет разогреть? Да где ж он возьмет-то поест? Кто ему приготовит? И соседи все работают. Кого же просить, чтобы смотрели за ним после школы? Ой, ма...»

Вечный день под ядовито-белыми лампами приемных покоев, полные руки вещей – почти все куртки, шапки и шарфы достались Сереже. Минуты ожидания, пока малыша осматривает дежурный врач, выносит свой вердикт и дает направление, кажутся часами, если перед глазами только зеленые стены и маленькая серая стойка охранника. Он сидит букой, наверное, хочет спать, и даже несколько слов не скажет Сереже, как это обычно делают взрослые, встречая грустившего малыша. «Один ботинок сказал другому: привет! Ты что такой страшный? – Я не страшный, я хороший, просто хотел дружить. – А, ну давай. – Ты умеешь играть в «ботинкошлеп»? – Как это? – А вот так: шлеп, шлеп, шлеп, тебя!» Носок одного ботинка все насакивал на край другого, а тот вырывался – «шлеп!».

– Сережа, пойдём!

Почти не видя из-за курток пола, шагая вслед за маминым голосом, Сережа провалился в коридоры больницы, казавшиеся бесконечными. Сюда, теперь направо, не отставай, еще чуть-чуть. Слева стены и двери сливаются в своей белизне, справа низкие окна показывают темноту. От пункта сдачи крови, где им пришлось ждать лаборанта, длинный и узкий коридор тянулся в обе стороны, в одном конце дверь, а в другом – новый коридор. И никого там больше не было кроме них. Только как будто из воздуха возникали и тут же исчезали девушка в халате, каталка, человек с перевязанной головой.

– Тут как во сне, – прошептала мама, когда ее взгляд завис в пустоте коридора.

Замысловатые больничные лабиринты привели их в пустой узкий бокс на две взрослые и две детские кровати, где Сережа остался один в полутьме. Мама с малышом растворились за дверью, в ярком холодном свете из процедурной.

Перед тем как выйти из палаты, мама звонила по телефону. О Сережиной доле она договорилась с консьержкой Розой Юрьевной, которая жила в том же подъезде и не то, чтобы маялась от безделья или желания кому-нибудь помочь, но на удивление быстро и по-человечески вошла в положение. Консьержка должна была встречать Сережу из школы, кормить и следить

за уроками, а на ночь отводить его в их квартиру, сидеть, пока мальчик умывается и ложится, ждать немного, чтобы уснул, и уходить до утра. Такси до больницы и обратно мама пообещала оплатить.

– Укол пока на стали делать, только ингаляцию, – быстро заговорила мама, вернувшись в бокс. – Как не вовремя папа уехал! Но что поделать, работа. Не грусти, солнышко, – обратилась она к Сереже. – Сейчас приедет Роза Юрьевна на такси, заберет тебя. Будешь спать дома, – мама неуверенно улыбнулась.

Мальш послушно сидел у нее на коленях и наблюдал за ее лицом. Ему уже год, он научился ходить и все время намеревался залезть куда-нибудь повыше, но сейчас притих, измотанный высокой температурой и кашлем. Мама устроила его на руках и приложила к груди.

Сережа несколько секунд смотрел на пустую детскую кроватку с белым металлическим бортиком и представлял себя одного в квартире. Ночью.

– Мама, – произнес он робко, – а может быть я тут останусь. Эта кровать свободная. Мне она понравилась.

– Сереженька, хороший мой... Нельзя, солнышко. Не разрешат, у них биток, пациентов много, мне в приемке сказали. Да и тут инфекционное отделение, заразишься на раз. Ну посмотри, вот Максик болеет, разве здорово? А если ты чего-нибудь подцепишь? Да не дай Бог! Роза Юрьевна за тобой посмотрит, а я звонить буду. И ты мне звони. Все будет хорошо.

Мама говорила полупшепотом и так ласково, что от этого еще больше не хотелось от нее уезжать. И почему говорят «биток», если кровать свободная? Прямо обидно!

Мальчик представлял себе, как такси долго не едет к Розе Юрьевне или глохнет на середине пути. И пока консьержка решает проблемы с машиной, становится уже так поздно, что он засыпает здесь, в больнице, и мама не решается его будить. А завтра, завтра видно будет... Но не успел Сережа замечтаться, как экран маминого телефона засветился. Роза Юрьевна приехала к главному входу. Она совсем не злая, нет. Но все же так не хочется уезжать от мамы.

Ключ привычно щелкнул в замке, но после этого оказался не на положенном ему крючке, а в кармане у тети Розы. Консьержка напоила ребенка чаем с печеньем, помогла собрать портфель и, отправив в постель, быстро выключила свет. Никаких тебе «подожди немножко», «я еще не улегся как следует» и «сосчитай до пяти». Сережа глядел в темноте на ее крупный силуэт с короткостриженной головой и все никак не мог решить, тетя Роза еще тетенька или уже бабушка.

– Ну чего глазенки лупишь? Закрывай! Поздно, – сказала она слегка хрипловатым голосом и скрипнула стулом.

«Наверное, все–таки бабушка», – подумал Сережа и повернулся к стене. Минут через пять консьержке показалось, что мальчик уснул, и она спокойно покинула квартиру. Было уже около полуночи.

Мама сидела на кровати и беззвучно водила пальцем по экрану смартфона, вставала и подходила к окну. Спать не хотелось, хотя и нужно было бы. Мир за окном заволокло туманом, сквозь который просвечивали желтые и зеленые прямоугольники – окна другого корпуса больницы. Белый фонарь во дворе между корпусами по-киношному светил на очищенную от снега дорожку, а прямо перед окном раскинулись графичные узоры ветвей молодых берез. Телефон завибрировал в маминой руке, Сережина мордашка высветилась на экране.

– Сережа, сынок, ты что не спишь?

– Мама, мне страшно.

– А Роза Юрьевна уже ушла?

– Да, – как будто боясь разбудить кого-то, едва выдохнул мальчик.

– Ты в постели? Все в порядке? – мама метнулась к двери бокса и выскочила в коридор.

– Да, мама, я лежу. Просто тетя Роза ушла, а я не уснул. Она не знала. А я хотел уснуть, честно, но мне просто страшно без тебя.

– Малыш... Я тебя очень, очень люблю! Максику скоро станет лучше и мы приедем. А сейчас надо спать, а то завтра в школу.

– Я знаю, но так хочется к тебе... – интонация Сережи стала плаксивой.

«Что же сделать, чтобы он успокоился? Чем помочь?»

– А давай я тебе спою? – услышав молчание в трубке, мама решила, что это знак продолжать. – «Ложкой снег мешая, ночь идет большая. Что же ты, глупышка, не спишь?..»

– Не эту, – прервал Сережа.

– Баю-баю-баиньки, прибежали зайиньки. Стали зайиньки скакать, нашу деточку качать...

– Мама, не пой пожалуйста, – чуть не плача проговорил Сережа.

– Что такое, мой хороший?

– Просто, когда ты поешь, еще больше плакать хочется.

Жар хлынул маме в лицо, по плечам пробежала дрожь беспокойства и чувство вины обрушилось на голову ледяным дождем. Он там один! Маленький еще мальчик. Как же она довела до такого? Когда упустила болезнь малыша? Почему не была внимательной? Как он там теперь без нее?!

Мама сделала вдох и выдох, почувствовала себя и вспомнила о дыхании.

– Сереженька... ты ляг на спинку. Сделай вдох, а теперь выдох. Медленно-медленно. Постарайся расслабить ноги, руки. Почувствуй, как все тело расслабляется и даже голова. Чувствуешь? Получается?

– В-вроде, – он прерывисто вдохнул.

– А теперь сделай еще глубоооокий вдох, чтобы живот надулся. И выдохни мееедленно-медленно.

Вдохи у Сережи были сначала как бег по ступенькам, но примерно на четвертом–пятом дыхание стало ровное. Мама, сама того не замечая, дышала вместе с ним, как бы настраивая на нужный ритм.

– Вот так, подыши...

Через несколько минут мальчик уснул. Продолжая делать глубокие вдохи и выдохи, чувствуя, как надувается и втягивается живот, мама выжидала прежде, чем нажать на красную кнопку на экране. Всегда тяжело узнать ту последнюю секунду, когда ребенок уже точно провалился в сон и не вскочит, как только родитель сделает шаг в сторону двери. Но тут волнение о том, что в боксе может проснуться малыш, пересилило. Мама сбросила вызов, вошла в палату и, наконец, легла.

II

В 7.30 утра и 6.30 вечера из процедурной детского инфекционного отделения выходила дежурная медсестра. В руках ее был металлический лоток, полный разнокалиберных шприцов с желтоватой жидкостью – антибактериальным раствором. Быстрое шарканье шагов раздавалось в коридоре и через пару минут по всему отделению каскадом начинал звучать детский плач. К этому хору примкнул и маленький Максик.

Розоватые стены бокса никак не скрашивали серый день, серую еду в тарелке с узором из советского прошлого и осязаемое чувство тревоги за старшего сына. Зато в коридоре был целый мир, частью которого становились мама и Максик, когда изредка выходили из палаты на «прогулку» и встречали других обитателей нового для них пространства.

Мальчик Ваня лет пяти сам подошел к маме, чтобы завести знакомство. Дал Максику подержать черный пластмассовый пистолет с красным дулом и большую машину. А потом сказал: «У меня ничего не болит. Мы просто приехали сюда пожить, пока нашу квартиру перестраивают. Там будут новые стены и пол». За Ваней из палаты вышла невысокая, кругленькая прабабушка. «Все работают, некому с ним лежать, вот меня и вызвали, – то ли жаловалась, то ли просто констатировала она. – Я тоже работала да пришлось бросить ради него». Она присела на больничную скамейку и Максик потянул к ней ручки. Женщина взяла его и посадила на колени, он с минуту потербил большую оранжевую пуговицу на темном синтетическом платье, затем слез и шустро потопал по коридору, приговаривая «ма-тя-ма-тя-ма-тя». «Новый слог», – отметила мама и поспешила за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.